

Рита Бальмина

Сквозь года и города

* * *

Не ешь меня живьем, дружок,
Орудя ножом и вилкой,
Кровавый раскромсав кружок
На тыльной стороне затылка.

Ведь над руинами корыт
Не вспомнить сказки ни одной.
В краю, где мой талант зарыт,
Похорони меня, родной.

Но ты вздыхаешь и хандришь,
Стихами хаешь день вчерашний.
Поехали со мной в Париж
Бросаться с Эйфелевой башни!

* * *

Век черно-белых фоток,
Век телефонных будок
Был романтично-кроток –
Но забывать не будут.

Ярок он был и краток,
Майской грозе подобен,
Но по цене каратов
Камни его колдобин.

Вместе с нездешним принцем –
«Лэвис», потерявший стильно, –
В будке пришлось укрыться:
Ливень был очень сильным.

Даже не зная, кто ты,
Таяла я, как льдинка...
На потускневшем фото
Кем тебе та блондинка?

* * *

Неотвратимо, как псалом –
Пушинкой пушкинского текста –
Уже витает над столом
Воспоминание из детства:
Бабуля заварила чай,
А папа смотрит телевизор:
Свисток, пенальти получай,
Арбитр поруганный освистан.
А мама шьет, кляня иглу,
И кошка сонно лижет плоску
У подоконника в углу,
Где муха оседлала крошку.
А я с уроками вожусь,
И буря мглою небо кроет,
Сгущая косинусов жуть,
Над ратным подвигом героев.
Обычный вечер, как всегда,
Темнеет, исчезая в Лете,
Чтоб сквозь года и города
Со мной скитаться по планете.

* * *

давай вернемся в сорок лет назад
где ты был гад а я была красotka

лилась в граненые стаканы водка
и тот был строен кто теперь пузат

на улице стоял двадцатый век
горел фонарь под надписью аптека
никто не слышал слова ипотека
и даже мент был тоже человек

от тех времен остался только сон
их помнить даже смысла не осталось
и только мы с тобой сглотив усталость
по прошлому вздохнули в унисон

Утро

Она проснется темной ранью,
Пугливой тенью прошмыгнет
Вдоль угловых гранитных граней
В пустой подземный переход,
Сквозь турникет пройдет привычно,
По эскалатору сбежит
В зловонный скрежет электрички,
Туда, где вечный бомж лежит,
И будет вяло пялить зенки
На зазеркальный мрак окна
И сонных лузеров подземки,
Таких же ранних, как она.

* * *

Душа, завернутая в мясо,
Грустит о песне.
Лишив себя объема, массы,
Чтоб стать небесней.

Ее почет в народных массах
Тесней и гуще:
Душа, завернутая в мясо,
Грустит о куцах,

Но не отыщет млечной трассы
На небосклоне –
Ее, поджаривая в масле,
Из ада гонят.

